

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЖАНР И ПОЭТИКА АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ И.С. ШМЕЛЁВА

С.М. Пинаев

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье выявляется жанровая природа автобиографических очерков И.С. Шмелёва «Лето Господне» и «Богомолье». Их содержание сводится к «душестроительству» подростка. В этой связи уместны такие определения, как «психологический роман», «психологическая повесть». И в то же время это «педагогические романы», поскольку в них присутствует «идеальный воспитатель», Горкин, который использует педагогику любви и добра, руководствуясь христианскими заповедями. Немало места уделяется поэтике произведений Шмелёва, связанной с детским мировосприятием, которое передаётся через цветовые и звуковые ощущения.

Ключевые слова: жанр, поэтика, очерк, автобиография, душа, церковь.

Разговор о жанровой природе программных произведений И. С. Шмелёва «Лето Господне» и «Богомолье» ведётся давно, и едва ли можно говорить о том, что он близок к завершению. Единой точки зрения в этом вопросе не существует и сегодня.

Ещё О.Н. Михайлов в конце 1980-х гг. полагал, что книги писателя не поддаются «даже привычному жанровому определению (быль-небыль? миф-воспоминание? свободный эпос?): путешествие детской души, судьба, испытание, несчастье, просветление» [1. С. 5]. Э.В. Чумакевич в своей диссертации (1994) отмечала, что становление художественного метода Шмелёва происходило на стыке реализма и модернизма, когда в творчестве многих писателей бросалась в глаза так называемая «размытость» жанров. Импрессионистическая манера мозаики, свойственная Шмелёву, в сочетании с «густым реализмом», считает Чумакевич, «обусловила определенные трудности в определении жанра дилогии» [2. С. 17].

При этом в литературоведении наметилась тенденция восприятия Шмелёва как замечательного мастера рассказа. Говорилось о том, что все его произведения или являются рассказами, или состоят из них. Так, «Солнце мертвых» можно определить как эпопею в рассказах, «Родное» — как сборник рассказов, «Богомолье» — как повесть в рассказах, объединённых одним сюжетом, как, впрочем, и «Лето Господне», в плане композиции более сложное произведение, «и жанр, и стиль, и все другие средства которого подчинены воплощению такого сложного, тайного, личного процесса, как “душестроительство” человека» [2. С. 17, 18].

Действительно, путь И.С. Шмелёва к своему итоговому жанру, духовному роману, пролегал через освоение форм малой прозы. Писателя едва ли можно назвать мастером классической новеллы, если понимать новеллу как малый эпический жанр, отличающийся острым сюжетом, четкой композицией, с неожиданной эффектной развязкой, отсутствием описательности. Сам художник нередко называл свои произведения малой прозы именно рассказами. А дебютировал Шмелёв, как известно, книгой очерков «На скалах Валаама» (1897). К жанру художественного очерка следует отнести и духовно-автобиографические шедевры писателя, составившие книги «Лето Господне» и «Богомолье».

«Лето Господне» делится на три части: «Праздники», «Радости», «Скорби». Эта триада, по всей видимости, определяет жизнь любого человека, независимо от его вероисповедания. Каждая из частей разбита на главы, названия которых говорят сами за себя: «Великий Пост», «Пасха», «Рождество» и т.д., а уже внутри них автор выделяет подглавки: «Чистый понедельник», «Ефимоны», «Разговины», «Птицы Божии» и т.д., воспринимающиеся как самостоятельные рассказы, занимающие, однако, определенное место в композиции книги. Все эти компоненты объединены в единое целое наличием некоей художественной атмосферы, а также главного героя, через восприятие которого показано духовно-бытовое существование обитателей Замоскворечья.

Применительно к книге рассказов американского писателя Ш. Андерсона «Уайнбург, Огайо» (1919) критик М. Ландор употребил термин «роман пунктиром». Известно, что, создавая свои рассказы о жителях срединной Америки, Ш. Андерсон отказался от сюжета как жанрообразующего признака. «Его мало интересовал сложившийся фольклорный сказ, в котором фабула главенствовала над психологией, а повествование проходило через ряд стадий... и увенчивалось эффективной концовкой, — писал известный американский литературовед М. Каули. — ...По существу то были не истории, не эпизоды, а мгновения, настолько безграничные во времени, что каждое вмещало в себя целую жизнь» [З. С. 106—107]. В автобиографических очерках Шмелёва также отсутствует строго выстроенный сюжет, нет сложных психологических коллизий, поскольку специфика повествования обусловлена фрагментарным мировосприятием маленького героя. Определение «книга мгновений», которое М. Каули дал сборнику рассказов Ш. Андерсона, вполне может быть переадресовано произведениям И. Шмелёва.

Многообразный жизненный опыт довольно оригинально преломляется в творчестве Андерсона-новелиста. Впрочем, сказать так — значит выразиться весьма банально. Потому что самого «преломления» порой не чувствуешь. Создается впечатление, что автор «помещается» как будто «внутри» жизни — в ее, казалось бы, неупорядоченном, «сыром» обличье. Именно эта кажущаяся необработанность жизненного материала, не укладывающегося в привычные, сюжетные, то есть упорядоченные, логически и линейно развивающиеся формы, определила жанровую новизну как рассказов Андерсона, так и очерков Шмелёва.

Поисками внутреннего, потаенного смысла вещей была озаменована возникающая в начале XX в. проза Европы и Америки. Произведения Д. Джойса, Г. Стайн, М. Пруста, Ш. Андерсона строились как вольный поток впечатлений, движений души, ума и подсознания. Логика внешняя, последовательно-повествовательная уступала место логике внутренней, психолого-импрессионистической, выражающейся через систему внешне разнородных образов (связанных, как правило, с таинственной жиз-

нью души), приобретающих, однако (в контексте произведения или цикла произведений), дополнительный, символический смысл.

Каждый рассказ «Богомолья» словно бы нанизывается на предыдущий, а в качестве связующей нити предстает «дорога, по которой движутся богомольцы. Объединяют рассказы и общие для них герои, а также идейный смысл произведения: радость служения Богу» [2. С. 19].

Впрочем, И.С. Шмелёв в совершенстве владел искусством сказа, мастерством сюжетосложения, мог «организовать» увлекательное повествование. Но он не ставил эту задачу во главу угла. Его целью было не заинтриговать читателя, а максимально погрузить в предлагаемый ему жизненный материал, практически никогда не воздвигая стены между собой и своими персонажами, что лишний раз подтверждает обращение к художественному миру шмелёвской диалогии. В данном случае речь идет о разрушении условной «стены» между собой-писателем и собой-персонажем.

Не случайно большинство исследователей, характеризуя жанровую природу «Лета Господня» и «Богомолья», прибегает к определению: автобиографическая повесть (реже — роман, И. Ильин употребляет словосочетание «некая автобиографическая лирика»). А.С. Карпов, не конкретизируя определение жанра, называет их «выстроенными на автобиографическом материале книгами» [4. С. 74]. «Автобиографические произведения» — так обозначила соответствующую главу в книге «Московиана: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва» О.Н. Сорокина. При этом она добавляет, что это еще и «религиозно-бытовые произведения»; и хотя очерки Шмелёва «не имели прямого отношения к философии, религии или мистике, готовясь к написанию этих вещей, он стал изучать литургические книги, которые брал из библиотеки Духовной академии в Париже» [5. С. 241]. В своей монографии, посвященной творческой биографии писателя, исследователь обращает внимание на то, что Шмелёв «обзавелся затем Октоихом, Минеями и Великим сборником. Кроме того, он читал Карташёву части “Лета Господня”, касающиеся церковного Типикона и литургических песнопений, принимая все советы и поправки с благодарностью» [5. С. 241]. «Господи, пособи!» — нередко восклицал Шмелёв в процессе работы над «Богомольем», подчеркивает Н.М. Солнцева. «Не раз при этом появлялось желание уйти на Афон, научиться молиться... “Богомолье” — его молитва. “Богомольем” он спасался от мрака дней» [6. С. 258].

Действительно, «воспоминательные» книги Шмелёва, особенно «Лето Господне», — это своеобразный чувственно-лирический Типикон, т.е. богослужебный устав, сборник указаний о порядке и образе совершения служб, расписанных на целый год, пище христиан и церковных праздниках, пропущенный через детское мировосприятие. Не случайно и упоминание литургических песнопений, литургического действия. «Возвращение к литургии, при содействии Богородицы, — пишет С.М. Заяц в одной из статей о М. Волошине, — означает возвращение к Христу, к ежедневному со-бытию с Ним и в Нём, по меткому замечанию Д. Лихачёва» [7. С. 223], что, собственно, и определяет направление духовных поисков Шмелёва последних десятилетий.

Уже в статье «Душа Родины» (1924) писатель говорит о религиозной сути России, душе народа, чуткой «Христову Слову» и «Божьей Правде». «Подлинно национальное искусство — “веленью Божию послушно”, по вдохновенному завету Пушкина, — отмечает он в эссе “О Чехове”, — всегда — религиозно, в высшем смысле этого понятия» [8]. Для Шмелёва это означает прежде всего «искание Правды, желание стро-

ить жизнь с Богом и по-Божьи», обращение к идеалу Града Небесного. Но если в 1924 г. христианство Шмелёва проявляет себя в абстрактной, нецерковной да, пожалуй, и внеконфессиональной форме (более того, он констатирует, что из Церкви уходит «Дух Живой»), то уже спустя четыре года, в книге «Лето Господне» церковь и православие, с его праздниками и обрядами, займут подобающее место. В конце 1920-х гг., в период работы над «Богомолем», Шмелёв постоянно размышляет «о влиянии на литературу Церкви, духовных служб», он уверен, «что они играли в жизни писателей большую роль». Сама же книга должна была воплотить духовный смысл жизни обитателей Замоскворечья. На ее страницах возникают картины, которых раньше у Шмелёва не было: светлый образ «ласкового утешителя» старца Варнавы, крещеный народ в стремлении прикоснуться к святым реликвиям, калеки с деревянными чашками у Святых Ворот Лавры в ожидании всенощной, детский восторг от восхождения на колокольню и созерцания ласточек, «падающих» на кресты.

Решающий поворот в творчестве И.С. Шмелёва был обусловлен самой его жизнью, складывающейся на фоне эпохальных событий в России. Вкусивший ужасов усобицы в Крыму писатель жаждет духовного очищения, возникает потребность в своеобразном эстетическом катарсисе. В эпосе «Солнце мертвых» Шмелёв устами своего героя, писателя Бориса Шишкина, говорит: «Вы знаете, я хочу о другом писать... о детском, о таком чистом, ясном... а это все так давит!..»

Тема «душестроительства», формирования духовного мира ребенка и подростка занимает в русской литературе значительное место. В дилогии Шмелёва этот процесс происходит под воздействием православной религии, в связи с погружением в таинства религиозных обрядов, служб и праздников. Художника с ранних лет занимали общие, нравственно-психологические проблемы личности: он подмечает в жизни людей, в том числе «маленьких людей», «много заветного; наряду с темным и много светлого, ценнейшего», несмотря на то, что «поток истории придавил душу народа, запугал и загнал ее, сбил с естественного пути развития» [8]. Однако он убежден, что православие берет начало в истоках народной души. В этом отношении он, как уже отмечалось в нашей критике, «наследник Сергия Радонежского, отца Зосимы из “Братьев Карамазовых” Ф.М. Достоевского, “Соборян” и “Очарованного странника” Н.С. Лескова. Замоскворечье, где живут его герои, представляется им не в сатирических красках А.Н. Островского, а в патриархальной сути национального характера, в его позитивных началах» [2. С. 9—10].

На первый взгляд книги Шмелёва вызывают ассоциации с автобиографическими произведениями, герои которых — ровесники Вани из «Лета Господня» и «Богомоля». Достаточно вспомнить «Детство Тёмы» Н.Г. Гарина-Михайловского, «Детство Никиты» А.Н. Толстого, «Историю моего современника» В.Г. Короленко, «Детство» М. Горького. Однако в воспитательном процессе всех этих юных персонажей религия, православие не играют решающей роли. Чтение молитв детьми воспринимается как нудная повинность, славянские тексты отталкивают их своей непонятностью, искусственностью. Учитывая особенности воспроизведения детской ментальности, «Лето Господне», как считал, например, А.В. Амфитеатров, можно поставить в один ряд с «Детскими годами Багрова-внука» С.Т. Аксакова. Другие подобные аналогии едва ли возможны.

«Детство мое протекало без всяких религиозных обрядностей, — констатировала А.К. Герцык. — Меня не водили в церковь, — у меня не было преданной няни, убеждающей класть земные поклоны в углу детской перед темной иконой и повторять за

ней трудные непонятные слова молитвы» [9. С. 249]. Совсем по-другому происходило формирование юного Ивана Шмелёва. В его семье к соблюдению религиозных обрядов и традиционных устоев относились со всей строгостью и скрупулезностью. Семья соблюдала посты, почитала святыни, посещала церковь, ходила на богомолье. Одно из ярких впечатлений детства будущего автора «Лета Господня» — паломничество в Троице-Сергиевскую Лавру и получение благословения от старца Варнавы — событие, которое воспроизведено в финале автобиографической повести «Богомолье».

Определение «автобиографическая повесть» можно принять с некоторыми оговорками. Да, в основе дилогии Шмелёва, безусловно, лежит автобиографический материал, связанный с воспоминаниями детства, однако взрослый человек неизбежно трансформирует, преобразует детские впечатления, преподнося их в художественной интерпретации зрелого писателя. Ребенок, от лица которого ведется повествование, воспринимается в двойной ипостаси: это юный Иван Шмелёв, воспроизводящий детские ощущения и в то же время — литературный персонаж, мальчик Ваня, образу которого придаются типические черты «идеального воспитанника», выходца из купеческо-подрядческой среды. Присутствует здесь и «идеальный воспитатель», «праведный» человек Горкин, который в своем «наставничестве» руководствуется христианскими заповедями, используя «педагогику» любви и добра.

Не случайно И. А. Ильин выделял в «Лете Господнем» два плана: художественное содержание бытия, из которого рождается эпос России, и непосредственное излияние сыновнего сердца писателя, наполненного любовью к отцу. Пересказывая соответствующее место из письма И. Ильина И. Шмелёву (23.11.1946), Н. М. Солнцева справедливо отмечает: «Шмелёв, по сути, не вспоминал, он создавал образ памяти, ее звуки, запахи, память в “Лете Господнем” — живая, она дышит, боится, таится, смакует, узнает. В такой памяти была непосредственность и ничего не было литературного» [6. С. 288]. Думается, не совсем так. Как раз «образ памяти» и создается литературными средствами.

Детское мировосприятие передается через цветовые и звуковые ощущения, образительные и выразительные метафоры. Чувства ребенка определяют и составляют поэтику дилогии. Вся окружающая действительность одухотворена, абстрактные понятия наполняются плотью, живут самостоятельной жизнью. «Горкин сказал вчера, что масленица уйдет — заплачет. Вот и заплакала — кап... кап... кап...». «Незабвенный, священный запах. Это пахнет Великий Пост» [10. С. 26, 27]. Видя проникающий в комнату луч солнца, мальчик надеется увидеть, как по нему спустится ангел.

Восприятие религиозных таинств интимно, благоговейно. «Их-фимоны!.. Таинственные слова, священные. Что-то в них... Бог будто? Нравится мне и “яко кадило пред Тобою”, и “непщевати вины о гресех”, — это я выучил в молитвах. И еще — “жертва вечерняя”, будто мы ужинаем в церкви, и с нами Бог. И еще — радостные слова: “чаю Воскресения мертвых”! Недавно я думал, что это там дают мертвым по воскресеньям чаю, и с булочками, как нам. Вот глупый! И еще нравится новое слово “целому-дрие”, — будто звон слышится? Другие это слова, не наши: Божьи это слова» [10. С. 35]. Воистину проза претворяется в поэзию. Здесь же раскрывается детская способность наполнять незнакомые слова особым, порой сакральным смыслом.

Думается, к произведениям Шмелёва вполне применимо определение «психологический роман (повесть)». Действительно, вопросам детской психологии уделено немало внимания. Подчеркивается интерес семилетнего ребенка к людям, жившим до его рождения, обостренное восприятие неизбежной смерти и возможного вос-

кресения («Все должны умереть, умрет и он. И все наши умрут, и Василь Василич, и милый Горкин, и никакой жизни уже не будет. А на том свете?.. “Господи, сделай так, чтобы мы все умерли здесь сразу, а там воскресли!..”» [10. С. 39]), кажущаяся замедленность и объемность времени, фрагментарность детского восприятия, проявляющаяся в своеобразных «вспышках» сознания и моментальных «снимках» бытия, что и вызывает ассоциации с импрессионистической мозаикой. В целом же, композиция, «избранная писателем для своих произведений, как нельзя более соответствует намеченной им цели: достоверно показать чувства ребенка, закрепляющиеся в нравственные понятия» [2. С. 18].

Религиозные ритуалы, молитвы не удручают автобиографического персонажа Шмелёва, не вызывают у него внутреннего сопротивления. Православие ощущается в церковных обычаях и обрядах как нечто зримое, проникновенное, максимально растворенное в жизни, воспринимаемое не умом, а сердцем. «Мне делается страшно. Я смотрю на распятие. Мучается, Сын Божий! А Бог-то как же... как же Он допустил?.. Чувствуется мне в этом великая тайна — Бог» [10. С. 29].

Слова молитвенных песнопений, казавшиеся когда-то чудесными и непонятными, становятся «теперь — и чудесны, и понятны... Тянет меня под тихие огоньки лампад, к Святому» [10. С. 516]. Ваня обретает смысл существования в служении Богу. Писатель убедительно доказывает, что учение Христа вполне доступно детскому мировоззрению. Шмелёв создает уникальную картину истинно христианского восприятия действительности, наполняющего сердце радостью, в которой любовь к Богу и Божьему миру — основа всего. Эмоциональный тонус «Лета Господня» выражается в ярко выраженном самоощущении маленького героя: «Радостное до слез бьется в моей душе и светит от этих слов. И видится мне за вереницею дней Поста, — Святое Воскресенье, в светах. Радостная молитвочка! Она ласковым светом светит в эти грустные дни Поста» [10. С. 28].

Заслугой Шмелёва является то, что ему удалось избежать крена в теологию и создать произведение, в котором переплетаются религия и быт, земные проблемы сопряжены с небесными истинами. И вместе с тем диалогия Шмелёва является преддверием к жанру духовного романа, венчающего творческий путь писателя. Духовный роман, как известно, основывается не столько на «горизонтальном», сугубо предметном изображении действительности, сколько на ее «вертикальных», именно духовных измерениях, воплощении ноуменального бытия, проявлениях Божественного в реальном мире. Не случайно диалогию Шмелёва называют порой «Детской Библией», ибо в составляющих ее очерках «происходит как бы повторное подтверждение истинности каждой из десяти заповедей Христа, только уже на примере жизни героя» [2. С. 16].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Михайлов О.Н. Иван Сергеевич Шмелёв: Вступ. ст. // Шмелёв И.С. Соч. в 2 т. Т.1. — М., 1989.
- [2] Чумакевич Э.В. Духовно-нравственное становление личности героя в диалогии И. С. Шмелёва «Богомолье» и «Лето Господне»: Автореф. ... канд. фил. наук. — М., 1994.
- [3] Каули М. Дом со многими окнами. — М., 1973.
- [4] Карпов А.С. На чужбине: Очерки по истории литературы русского зарубежья. — М., 2007.
- [5] Сорокина О.Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва. М., 2000.
- [6] Солнцева Н.М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество. Жизнеописание. — М., 2007.

- [7] XVI Волошинские Чтения: Международная научно-практическая конференция «Совопросник века сего...». Научный коллоквиум «Марина Цветаева: Судьба и творчество». Научно-культурологическая конференция «Киммерийский топос: Мифы и реальность». Сборник научных статей. — Симферополь, 2013.
- [8] Шмелёв И.С. О Чехове. — Архив ГЛМ. — Ф. 390, оп. 1, д. 17.
- [9] Герцык А. Из круга женского: Стихотворения, эссе. — М., 2004.
- [10] Шмелёв И.С. Лето Господне. Богомолье. Статьи о Москве / Сост. Б.Н. Любимов. — М., 1990.

LITERATURA

- [1] Mihailof O.N. Ivan Sergeevich Shmelyov: Vstup. St. // Shmelyov I. S. Soch. v 2 t. — М., 1989.
- [2] Chumakevich Ae.V. Duhovno-nravstvennoye stanovlenie lichnosti geroya v dilogii I. S. Shmelyova “Bogomolye” i “Leto Gospodne”. Avtoref. na soisk. uchyon. St. kand. pfil. nauk. — М., 1994.
- [3] Kauli M. Dom so mnogimi oknami. — М., 1973.
- [4] Karpov A.S. Na chujbine: Ocherki po istorii literaturi russkogo zarubejya. — М., 2007.
- [5] Sorokina O.N. Moskoviana: Jizn I tvorchestvo Ivana Shmelyova. — М., 2000.
- [6] Solntseva N.M. Ivan Shmelyov. Jizn I tvorchestvo. Jizneopisaniye. — М., 2007.
- [7] XVI Voloshinskiye Chteniya: Mejdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya “Sovoprosnik veka sego...”. Nauchniy kollokvium “Marina Tsvetaeva: Sudba I tvorchestvo”. Nauchno-kulturologicheskaya konferenciya “Kimmeriyskiy topos: Mifi I realnost”. Sbornik nauchnih statey. — Simferopol, 2013.
- [8] Shmelyov I.S. O Chehove. — Arhiv GLM. — F. 390, op. 1, d. 17.
- [9] Gertsik A. Iz kruga jenskogo: Stihotvoreniya, aesse. — М., 2004.
- [10] Shmelyov I.S. Leto Gospodne. Bogomolye. Statyi o Moskve / Sost. B.N. Lyubimov. — М., 1990.

GENRE AND POETICS OF I.S. SHMELYOV AUTOBIOGRAPHIC ESSAYS

S.M. Pinaev

Department of World and Russian Literature
Peoples' Friendship University of Russia
Miklucho-Maclay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to researching of genre nature of I.S. Shmelyov's autobiographic essays «Leto Gospodne» and «Bogomolye». The main thing is a «soulbuilding» of young man. So one can define the genre as «psychological novel» or «psychological short novel». And also they are «pedagogical novels»: the «ideal tutor», Gorkin, uses the pedagogics of love and virtue founded on Christian doctrines. The author describes also the poetics of Shmelyov's works based on child's world outlook connected with colour and sound sensations.

Key words: genre, poetics, essay, autobiography, soul, church.